Цена 300 руб.

1-й год издания.

Скорпион

(Сибирский)

1922

Редакция и контора: г. Новониколаевск, Красный пр.-д. Губкома РКП (почтой: почт. ящик № 22).

Гримасы жизни.

Рис. В. Ромова.

„Зависть".

17-й сын шестой державы.

Задумалась Матушка-Пресса и размечталась.

Знает она, что опять кто-то должен на свет появиться—а кто—и сказать трудно. Чувствует, что не бывало еще такого ранее. Что-то совсем особенное, ничего общего не имеющее с прежними детьми.

Мысленно оглядывает пройденный путь.

Вон перженец—„Советская Сибирь". Девица уж в возрасте, того и гляди, замуж махнет. Вот и теперь, что ни день, то новый платок, а то сережки какие нибудь.

Вторая, помоложе—„Сельская Правда". Хилая какая-то выдалась, кашляет все да болеет. Уж и пимы носит, и платок теплый, а все жалуется:

— Чивой то простыла я анадысь... Изнахратилась... Не иначе с продналогу этого самого—холодище стоял, а лопотина у меня худая была...

И воображение у ней болезненное, все про чесотку, да чуму, да сибирскую язву и говорит.

Позже тройня родилась. „Юный пропагандист" да „Профессиональное движение" живут, а вот третий то—„Сибирский горнорабочий"—зачах.

Потом, здоровый да краснощекий, появился—„Сибирские Огни". Тяжелые роды были, а вот поди-ж ты, выжил. Парень ладный, а как в возраст вошел—буянить начал:

— Вы, говорит, маменька не прекословьте—потому беспременно на Сейфуллиной жениться хочу.

А так ничего, парень во всем складный, кровь с молоком.

Ну, а только, как это говорится, огня без дыма не бывает—так и тут. После такого парня да и угораздило затяжелеть—„Таежные Зори"—журнал такой родился. Путается где-то, днями не видно и не знаешь, жив ли.

И родился то непутевый как:

— Я, маменька, сразу в трех изданиях выйду. Знай наших!

Обругали его за это, а он—плюю, говорит, на них! А вот ужо в десяти изданиях выйду и сразу в пяти местах—в Париже, Лондоне, Новониколаевске, Чите и за Каменкой! Тридцать тысяч одних курьеров!

— Стыдобушка!

Был еще один такой—вскоре же родился, да не выжил, убрался. Матерщинник был—страсть!

— Так вашу, да растак вашу!

И окрестил себя по своему—„Язви-те".

Зато потом смирнее ребята пошли.

„Сибирская Природа"—эта все в песочек играет, да глину ест. Латынь выучила и, как большая, лопочет по своему. И что лопочет—не понять—а занятно. Иностранцы смотреть приезжали—и те не поняли.

Тоже вот „Красная Сибирячка". Эта совсем ладная, хорошая девка, да на втором номере в тайгу уехала*). Как раз праздник справляли—она флаг красный взяла, да в тайгу и ушла.

— Вы, говорит, маменька, празднуйте, а я пойду дрова рубить.

Ушла, а за нее и бойся. Одежонка худая, на голове платочек, где же в такую стужу дрова рубить. Горе с ними, с молодежью!

Так вот и с „Пролетарскими Побегами". Тоже—вдогонку.

— Мы, маменька, „Сибирскии Огни" перегнать хотим.

А где уж им—Ерошин один у них и писал. Сами все больше насчет омоложения организма толковали.

[illegible] ничеем прих[illegible], пр[illegible]дились и не выжи[illegible]

И [illegible]довой Путь"—позже этот родился тоже уд[illegible]е знал. И по барахолке шляется, и с нэпманами [illegible]ется, и туда, и сюда—болеть начал, теперь вот хиреет все.

— Надорвался я, говорит. Ровно вожжа какая внутре лопнула.

Был еще один такой, да допрыгался „Бюллетень Сибдальвнешторга" назывался. Этот все куда то прыгнуть хотел и песенку такую сложил:

Смотри, дружок,
Начав прыжок,
Не прыгай вполовину*).

Вот тебе и не прыгай.

— Драть таких надо!

То ли дело вон „Кооперативная Жизнь". Ушла в губсоюз, там харч другой. Масло все, да говядина разная. И разговор все тихий да смирный—гвозди, подковы там разные, да селедка.

Опять же и тут уметь надо. Вон „Торгово-промышленная газета" с биржей спуталась—не выжила.

— Беспременно, говорит, за богатого выйти хочу!

Выйти вышла, а зачахла скоро.

Теперь вот одна надежда—„Жизнь Сибири". Уж такая умная да рассудительная—с профессорами да спецами компанию водит. В Сибгосплане и днюет, и ночует.

А теперь вот, кто его знает, кто будет. Ровно и маленький обещает быть, а скребется здорово, словно клешнями впивается, так и зудит, так и зудит. Никогда этого не бывало, сколько вот уж их нарожала.

Гадает Матушка-Пресса и думает:

— Одна надежда на „Советскую Сибирь".

Подзовет ее, по головке погладит, а та и глаза опустит.

— Ты чего это, мать моя, никак затяжелела?

— Это я, маменька, „Записную книжку" хочу издать.

— Ах, ты, греховодница! С кем же это ты?

— С Сибростой, маменька. Он такой хороший. А бумаги у него много-много!

И опять покраснела.

А Матушка-Пресса уж забыла, что пожурить хотела и все думает:

— Что то будет?

И родился у ней...

— Скорпион!?!

---

*) См. обложку № 2 „Красной Сибирячки.

*) См. „Бюллетень Сибдальвнешторга", № 1, 1 янв. 1922 г.

„ПОРТФЕЛИ“.

ВОКЗАЛ.

Равны—и азиат и европеец,
Над ними скарб домашний, что
утес,—
В утесах копошится эпопея
Тряпья и жалоб, голода и слез...
Змея ползет в окно билетной
кассы,
Табачный дым холмится в потолок,
Крепчает ругань, страсть, враждуют классы:
Папаха заячья и котелок...
С наганом, кожаный, агент дежурный
Эпический бросает в гущу
взор...
Краском с советской барышней
амурной
Подсолнухом прогрызли разговор...
До Вологды не раз в вагонной
скуке
Сердца забьются гопаком колес,
Но эпопеи сколок близорукий
Все проглядит в разливе жалоб
слез.

Георгий Павлов.

История Сибугля.

Древняя.

Первоначальное название этого учреждения, явившееся последствием тринадцати заседаний и пятнадцати совешаний, было „Обсибгосукопь.“ Но для произношения этот небоскреб был весьма неудобен и после нескольких десятков кратких заседаний переименовали, его в Обсибкопь, а затем в Сибуголь. Но, желая попасть на страницы истории, они переименовали Сибуголь в Кузбасс, Кузбасс опять в Сибуголь и, меняя ежемесячно, таким образом, наименования, завязали Гордиев узел, но повидимому перестарались, так как развязать его до сих пор никто не может.
Управляли этими учреждениями три мужа, которые менялись через каждые 30 дней; днем они устраивали заседания, а вечером пили Лесную сказку (древний напиток—смесь spirtus-vini и пихты), причем в последнем деле им усердно помогали некоторые ответственные сотрудники.

Существовавший до того времени варварский обычай: „меньше говорить и больше делать“, был заменен более простым и всем понятным—„меньше делать и больше говорить“, для чего число сотрудников было увеличено в два раза; а с течением времени, когда культурный уровень сотрудников поднялся на значительную высоту, обычай еще более упростили и решили: „ничего не делать, а только писать“; последствием такого упрощения явилось увеличение штата еще на одну треть и бумажный потоп, который на продолжительное время затопил все рудники.

Таким образом, Управление, незная еще где находятся рудники, потеряло их из вида.

Когда голубь принес масляничную ветвь, управители весьма обрадовались и от скуки решили прокатиться в районы и посмотреть на житье-бытье своих подчиненных.

Пользуясь пословицей: „Язык до Киева доведет“—они находили некоторые районы, но жители были настолько одичалые, что начальства не признавали и „управители“ возвращались не солоно хлебавши; а вслед за этим на голову несчастных районов сыпались новые приказы, указы, инструкции, конструкции и т. п. напасти.

Затем в управлении началось столпотворение. В отличие от Вавилонского—их было два: первое—Томское и второе—Новониколаевское, продолжающееся до сего времени.

На этом древняя история Сибугля заканчивается.

Средняя.

Некоторые предприимчивые люди, желая стяжать себе славу и положение, покинули свои насиженные и малодоходные места, и после долгих скитаний и обиваний порогов открыли в городе Омске новое учреждение, наименовав его „Сибкомуголь“. Считая себя высшей инстанцией (по дальности расстояния от рудников) Сибкомуголь решил подчинить себе Сибуголь, но встретил отпор; следствием этого явилась восьмимесячная междуусобная война, весьма обязательно отражавшаяся на стрелочнике-рудниках; ибо во время войны некогда заботиться о своих подчиненных, почему жители рудников ходили босые и голые да и сами рудники работали лишь потому, что только придерживались пословицы: „На Бога надейся, а сам не плошай“. По истечении назначенного срока, войну прекратила неведомая рука, схватив попросту за шиворот оба воинствующие учреждения и, перебросив их с насиженных мест в Новониколаевск. Во время перевозки учреждений, в особенности Сибугля, благодаря распорядительности начальников эшелона, три четверти всего имущества переломано, четверть пропалабез вести, а остальное доставлено в исправности вместе с 30% сотрудников. По приезде один месяц—устраивались, два месяца разбирались с делами, три месяца—разыскивали, поправляли или доламывали имущество, а когда хотели приступить к работе, оказалось, что среднюю историю заканчивали и надо начинать новую.

Новая.

Когда междуусобные брани и неурядицы изрядно всем надоели, решили искать выхода из тупика, в который попал Сибуголь, и порешили, что пословица „ум хорошо, а два еще лучше“ есть пережиток старых времен, поэтому для ознаменования вступления в новую историю считать: „два ума хорошо, а один все-таки лучше“. На основании этого ввели единоличное управление. Весь Сибуголь вздохнул с облегчением и радостная весть по „прямой проволоке“ облетела все районы, жители которых вздохнули без облегчения и подумали: чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало и не мешало работать.

Закипела работа. В сто первый раз составлялись штаты и куда то посылались на утверждение. В значительной мере развилась меновая торговля, причем весьма выгодно менялись, имевшиеся в Сибугле ценные материалы на никому не нужный хлам. Начала процветать архитектура и как образец ее до настоящего времени сохранилась знаменитая (по своей стоимости) винтовая лестница, служившая средством сообщения (весьма опасным) в течении целых двадцати дней и заброшенная за непригодностью. Строитель этой лестницы ввиду плохого заработка предавался Бахусу в течении двух недель.

К этому времени сотрудники настолько хорошо поняли задачи Сибугля, что совсем забросили работу, а начальство, в поощрение их грандиозного труда по ничего неделанию в течении двух с половино

лет, увеличило их пайки в четыре раза, придав к ним еще вещевое довольствие для спекуляции, ввиду открытия свободной торговли на рынке. Сотрудники остались весьма благодарны, а спецы Горнотехнического отдела решили, что раз за ничего неделание платят так хорошо, то за курение, пребывание на толкучке, получение жалования в часы занятий—следует получать дополнительно; начальство вполне разделяло их взгляд и спецы получали тройное вознаграждение. Но для получения такого количества благ дневных часов занятий не хватало и они производили эту работу вечером, за что получали еще сверхурочные.

В связи с такой сложной оплатой спецов, а также, чтобы составить компанию при сидении за решеткой за подобные оплаты, была приделана пятая нога у собаки—отдел ТНБ, вся работа которого сводилась к оперированию с фантастическими цифрами. ТНБ находилось на высоте своего положения и наворачивало, совместно с статистикой такие цифры, что впоследствии само приходило в изумление. Несмотря на такую усердную работу заветное желание завТНВ попасть за решетку до сих пор не осуществилось.

Однако столь продолжительное существование Сибугля и его грандиозная работа в течении этого периода признаны в дальнейшем нежелательными и он был насильственно умерщвлен, а начальник его поехал искать другое учреждение для использования своего опыта по усовершенствованному управлению. Признательное потомство вбило в могилу Сибугля осиновый кол.

На место Сибугля выскочила молоденькая балерина ЦПКП Кузбасса, подрыгала ножками, послала кому следует два три поцелуя, но фурор произвести не могла и в течении сорока дней с горя сошла в могилу, не принеся никому ни вреда, ни пользы.

В порядочных историях, даже церковной, бывает сначала хаос, а потом порядок, но так как настоящая история необыкновенная, то и построение ее несколько иное: сначала был беспорядок, а со смертью ЦПКП стал хаос, да такой, что даже историки разводили руками, не зная с чего начинать, почему об этом периоде сохранились лишь отдельные эпизоды.

По смерти ЦПКП Кузбасса предстояло разрешить сложный вопрос о приличном наследнике, который не уронил бы достоинства своих предков. Решить этот вопрос было не так то легко и потребовалось создание специального учреждения под кличкой Сибобластоп. В задание этого учреждения входило пристроить к делу сотню-другую хороших знакомых по женской линии для получения пайков углекспов и между прочим в свободное время сверхурочно разрешить вопрос о достойном наследнике ЦПКП. Первое задание было выполнено блестяще, второе, как показала история—не совсем удачно. Как бы то ни было, а на престол возвели хилое и слабоумное существо—УКУП (одно наименование напоминает покойника), причем сотрудники бывшего ЦПКП по своим боевым качествам Оставлены в Сибобластопе, а УКУП'у были даны нестроевые части: НачУКУП, ПомначУКУП и кучначУКУП (кучер) с тем расчетом, вероятно, что они принесут меньше вреда. Но держать на своей шее столько „опытных сотрудничков" Сибобластопу, живущему на чужие средства, не улыбалось и он возвратил их УКУП'у, который в ознаменование столь великого события сократил штат с 317 до 318 человек, а спецам назначил персональные оклады за их непритязательность к службе.

Сразу появился образцовый порядок. Почувствовав твердую правящую руку, часть сотрудников часы занятий коротало на толкучке, а остальные находились на службе, не переутомляя себя работой на основании положения об охране труда.

Немедленно была установлена образцовая связь между отделами и Сибобластопом; бумаги поступали из отдела в отдел всего лишь чрез 3-5 дней, а из Сибобластопа через 7-10 дней немедленно по отсылке. Большинство же бумаг, наиболее важных, совершенно никуда не поступали. Некоторые чудаки, желая подорвать авторитет столь образцовых учреждений, пытались найти подобные бумаги, но после нескольких десятков дней бесплодного хождения по отделам УКУПа и Сибобластопа, к стыду своему, должны были отказаться от глупой затеи.

В это время мир был поражен грандиозным изобретением человеческого ума—приказом Сибобластопа об отоплении угольной промышленности дровами и лесной—углем, но к сожалению приказ этот не удалось провести в жизнь исключительно ввиду его гениальности.

Между тем рудники также наладили связь с УКУПом и первое извещение их было о недостаче продовольствия и громадной задолженности рабочим по другим видам довольствия. УКУП весьма обрадовался такой внимательности рудников и в погашение задолженности послал на рудники несколько комиссий, привезших очень ценный материал, полезный в некоторых случаях домашней жизни и в особенности при расстройстве органов пищеварения.

Чтобы еще больше показать свои заботы о рудниках, начУКУП выписал из района оперетту и с большим успехом выступал с нею в Новониколаевске, найдя, таким образом, в этой области промышленности свое единственное призвание.

Малокультурные жители рудников не замечали одного столь великих забот УКУП'а о них и выпустили грозный боевой клич: „Дайте хлеба". УКУП принял эту весть, как запоздалую первоапрельскую шутку и продолжал почить на лаврах своего нового призвания.

Вдруг чья то невидимая рука опустила на голову Сибобластопа Дамоклов меч, рукояткой которого задело по пустой голове УКУПа — последний из могикан умер, не приходя в сознание (похороны чрез неделю). Сибобластоп находится при смерти и нет надежды на его выздоровление.

Столпотворение закончено и Вавилонская башня начала разваливаться. Желающие развязать Гордиев узел угольной промышленности Сибири нашлись; как они справятся с этой задачей покажет новейшая история.

Рин.

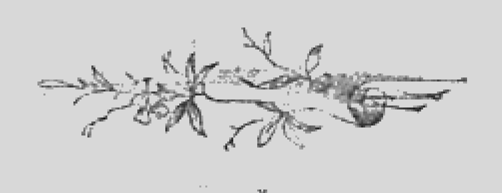

Танцезорька.

Посвящается Бурлюку.

Цыркотанцем велепутишь
Краковянкой грезовой
Закаблучишь не наступишь,
Извиваясь бредовой.
Телозмейка—вакханалья
Быстротечишь сердцевзук,
Милорезвая каналья,
Вертокрутишься из мук.
Землекруг твой вдохновенья
Цветобабочкой взорвешь.
Цыркотанцем откровенья,
Фейерверкнешь и замрешь.
Я в восторге главоземлю,
Глазопучу, как араб,
Заретанцу дико внемлю,
Я твой верный царераб.

Шпиль-Кин.

* * *

Я писал и про налоги,
Про рабкоопы, жилвопрос,
Про железные дороги,
Про Лозанну, коммунхоз.
Я пишу ужасно много,
И про что я не писал?..
Не суди, читатель, строго,
Я серьезно захворал...

Дема

По горячим следам.

Наш Московский коллега „Крокодил“ в одном из последних номеров сообщает, что им была произведена перерегистрация святых и угодников. Вполне учитывая тяжесть такой работы во всероссийском масштабе, „Скорпион“ решил проделать то же самое в сибирских условиях, полагая, что здесь это сделать ему будет не так то трудно.

„Скорпион“ рассуждал так:

— Святых у нас слава богу, немного. Сибирь — не Р. С. Ф. С. Р. И задача наша, поэтому, легче осуществима. Попробуем.

Были собраны справки исходя из которых представилась возможность составить следующие „послужные списки“ сибирских святых и угодников.

1. Преподобный Симеон Верхотурский. Перенесение мощей 12 сентября. Происходит из мещан. Занимался рыбной ловлей (окуни и ерши, что в Верхней Туре водятся) и шил полушубки.

2. Преподобный Иоанн Тобольский. Перенесение мощей происходило во время „проклятой империалистической войны“. В святцы попасть не успел Архиерей. Причисление к лику святых получил по протекции земляка — Григория Распутина. Эвакуировался вместе с белыми на Восток в раке, но сдался в плен и „бысть исследован изнутри“.

3. Святитель Иннокентий — епископ Иркутский, „иже во святых давно уже“. Произведен больше по причине пристрастия своего к чаю кирпичному. Внутри совсем пустой.

4. Федор Кузьмич из Томска. В анкете упорно отказывается назвать свою земную профессию. Официально во святых не состоит, но ведет подпольную агитацию. Старикашка вредный, хотя в конце анкеты обязательно пишет „вязью“ „уволен в бессрочный отпуск“.

5. Григорий Ефимович Распутин. Известен всем. Мучеником считает себя сам, ибо был, говорит, однажды неизвестной женщиной ранен ножом в брюхо.

* * *

Вызвал „Скорпион“ их к себе. Время назначил, как полагается во всех советских учреждениях, с утра, аналой поставили ладаном покурил. И поручил произвести перерегистрацию их Бушу (есть такой парень). А Буш, известно, проспал. Еще 9 часов не было, а уж один пришел — Симеон Верхотурский. Уселся на крыльце и ждет. Удочки захватил, сачек тоже с собой, а там пара пискарей дохлых — поймал когда через Обь переходил.

Буш только пришел — а он уж сразу к нему!

— Скорпиён то этот самый ты штоль будешь? Вызывали меня тут седни...

— Я не я, а поговорю.

— То то вот. Поговорю... Говорить то и я могу, а ты вот скажи — кто же этакую рань народ шевелит? Ведь можно сказать — день погубили! Потому теперь самый клев, табуном она идет, только успевай дергай, а тут вот жди.

— Каким табуном?

— Да окунь, мил ты человек, окунь теперь берет ловко! Опять же вот щука, скажем — та друго время знат, а окуню самый клев теперь. Ведрами таскай. А как кончил — сейчас же это надо за червями...

— Вы мне скажите лучше кекие-такие у вас мощи имеются?

— Какие там у меня мощи! Зря народ баламутят только. Теперь вот окуня, скажем, прозевали, опять же и червяку время, а там ерши, к примеру, или што другое...

— Так мощей нет, говорите?

— Нету и отродясь не бывало. Ведь мы што? Мы ведь больше по рыбной части, или вот овчину, скажем, выделать или там полушубок..

— А чем Вы занимались?

— По шубной части больше. Сивер у нас там, мерзнет народ. Скажем, одежонка у тебя вот худая, пришел это ты ко мне...

— Ты мне это брось! Одежонка! Знаем мы! А кто тебя в ризу одевал да в святые производил?

— Это какую ризу, мил человек?

— Какую! Сам знаешь, в какую. Святым то ведь не зря захотел быть?

— Оборони бог! Штобы я да ризы какие брал, да святых поганил што-ты, мил человек! Да ни в жисть! Я, можно сказать, окуня этого самого тыщи переловил или, скажем, милльены, опять же овчин переделал — одной мездры, можно сказать, сотни пудов, а ты такие мне слова говоришь.

— А когда молебны служили, деньги брал?

— Дак ведь когда служил? Конешно, ежели надо, служил, а попу, как ему не положишь? Попу есть надо. А только я больше ему рыбкой таскал, ежели што, рыбкой...

— А ты-то брал деньги? За молебен-то?

— Дак я за што брать буду? Взял я раз с попа, шубу ему делал, дак ведь не даром же работать буду? А кто ж знал, что он охальник такой да жаловаться будет. Я ему и уступил еще, дешево сделал, и матушке евонной шил. Знатье бы, конешно, не делал, язви его!

— Так нету мощей, говоришь?

— Каки там мощи! Ни синь — пороха!

— Ну, ладно, старик! Мы тебя бессрочно отпускным считать будем. И В Гепеу посылать не будем. Понял?

— Как не понял! Понял! Только вот ты мне скажи, зачем меня этот Скорпиён звал? Надо ему, так допрашивал бы, што ли!

— Домой иди, старина. Я записал уж все.

— Зря, значит, сворошили человека? Я што, я пойду... Де ведь клев, мил ты человек, клев то упустил! Ведь сколько бы натаскать можно...

Следующим явился Иоанн Тобольский.

— Вы епископ Иоанн Тобольский и будете?

— Да. Я был епископом в Тобольске, но ведь давненько это было...

— Вы знали, что морочили народ, когда в святые пошли?

— Ничего я не знал. Это все Григорий Ефимович зря устроил. Никаких я политик не признавал и в светскую жизнь не мешался.

— А Советскую власть признаете?

— Почему не признать — несть же власть, аще не от бога.

— А женатых епископов?

— То-есть как это женатых?

— А так вот, как „Живая Церковь“ говорит. Епископу она разрешила жениться — вам, вот, например, жениться можно бы при жизни.

— Нет, куда мне! Только вот опоздали ведь! Кто за меня пойдет? А то, пожалуй, и признал бы.

Здорово, отче!

— Гриша ведь тут все виноват! Ну, какой я святой? Нет ведь дернула нелегная. И время выбрал такое... Вы знаете, меня эвакуировали и, уверяю, против моего желания. Я конечно, остался бы у красных и помог бы, ежели что.

— Нет, знаете, мы Вас сразу бы вытряхнули.

— Вытряхнули! А кто его знает, вытряхнули бы или нет, если я Вам чудеса стал бы творить.

— Ерунда!

— Положим, какие там чудеса! Так, одно глупство. А вот впер он меня в эту историю, который раз меня уж допрашивают. Ему то пожалуй, ничего не сделали?

— Нет, и его вызвали.

— То-то. И хорошенько его. Ведь стервец был. Царя—батюшку как подвел.

— Вы монархист, значит?

— А то как же?

— Да ведь Вы сейчас сказали, что Советскую власть признаете?

— Так это сейчас! Мало ли что я сейчас скажу, после смерти то! Нет, ты мне при жизни так заговори, я бы тебе показал кузькину мать, хулиган ты этакий!

— Ша, ша! будет! Мы, брат, тебя, тоже в накладе не оставим. Во первых, из святцев далой...

— Да меня там и нет! Не успели еще занести...

— Во вторых...

— И во вторых ничего не здела ешь... Я, брат, умер. Нет меня. И ни черта после меня не осталось. Взятки гладки!

— А рака?

— А что такое рака? Дураков морочить? Да возьмите ее—все равно там ничего уже нет. Я давно сгнил. Так то, брат Буш!

— Эх и сволочь же ты, отец Иван!

— Да уж, будьте покойны. Не таких за нос водил. Это вы дураков да блаженненьких экзаменуйте, а я эту музыку давно прошел. Прощенья просим! Да, еще один вопрос—вы все женские монастыри разогнали?

— Все.

— Вот это скверно. Свинью мне подложили. А я было собрался... Знаете, как это говорится:

Как приятно в вечер росный
Побродить с старушкой постной
Бородавки пощипать!

Я ведь только на это и способен.

Ну и черт!—сплюнул Буш.

— Суды, штоли на допрос то?

— А вы кто такой?

— Иннокентий мы, 26 ноября празднуемся... Видите ли, опять же и 19 марта Иннокентий есть. Вологодский святитель, может ево надо? Или вот Иннокинтия и Филикса, 6 июля тоже? А мы ведь чо? Мы народ дальний, иркутские мы...

— Вот, вот, иркутских и надо.

— Ну, а надо, так надо. Только вот, сами посудите, господин Скорпиён, далече уж больно. Пимы вот эти самые—исстреплешь ведь, когда дополэешь, потому мы по старинке все, никакех этих почтовых да скорых не знаем, а больше трахтом лупим. Ну, а сами посудите, сколько ведь лимонов тепере эти пимы у вас? Я вот прошел по толкучке—ведь чайку доброго нет, хлам все...

— Ну?

— Я потому это говорю—время то ведь какое нынче? Ярманок однех сколько открылось, рупь на рупь класть надо. С'измальства мы по етой части, знаем. Как пришла Непа эта самая—горячее время, а тут допросы—время жалко. Опять же прошелся по толчку—а меня сейчас это:—золото не скупать ли? Маленький я, штоли? В Гепеу не бывал, никакех Самойловых знать не знаю.

— Вы скажите, как на счет „Живой Цервки?

— Это вот которые жениться захотели? Нет, господин Скорпиён, не с руки нам это дело. Никакех этих дел не знавали, по старинке больше живем... Это вы оставьте, не подойдет. К примеру сказать, в зиму раз тридцать в Кяхту за чайком сползаешь...

— Вы Кяхту оставьте, к делу ближе...

— Потому и говорю, господиин Скорпиён...Дело это самое по чайной части, што ни на есть близкое...

— Нет, вы скажите, в святые-то вы как попали?

— Ну, это дело давнее. Что вспоминать! Теперь вот поважнее дела, потому чаю нет, а, известно, с Кяхты он шел... Опять же вот буфер этой самый кончился, дела то ведь какие начать можно! А уж ежели беспременно знать надо, так скажу я вам—кадровый я.

— Как кадровый?

— Кадровый. Еще с мирного времени произведен. Жульничеств этих тогда меньше. Ведь у меня как было—чай все сделал. Как пошел он в Россию, так меня, значит, и произвели, потому я по этой части больше, по чайной, с измальства шел.

— А мощи у вас есть?

— Не, не приходилось.. Чайку, скажем, вагончика два доставить могу, а мощами не занимаюсь-раньше бывало, просвирки держа, ли в лавке—ну, так ведь это какой покупатель бываает...

— Чудишь ты старик!

— Чудишь! Ведь сколько меня допрашивали, посуди сам. И мощи эти самые открывали—а все неймется. Ну, выхерили из святых—и ладно. Ноне ведь другие дела. Ты мне лучше скажи вот што? Григорий Ефимович тут на крыльце сидит не по этой ли части?

— По этой самой.

— По свято? Нет, уж это ты брось, господин Скорпиён! Ежели да такую, извините, шваль, да за один стол, кровно обидеться можно. Вытури ты ево, стервеца! Ведь ежели его там баба ножом пырнула, так ведь это по пьяному делу было.

— Ладно, ладно!

— А Федора Кузьмича не звали?

— Звал, да нету его еще.

— Тоже вот старичек. Зря вы его таскаете.

Виделся я с ним недавно—не в себе он. В Таганрог хотел ехать. Ведь он и в святых то не состоит, так это приплели, из-за роду ево высокого. Ну, прощенья просим!

Пигасий Мошкин.

„ПОРТФЕЛИ".

Мелочи дня.

—Ты не знаешь, почему Новониколаевское ЕПО на своих вывесках не добавляет Н, как это делается в других городах, например в Петрограде—ПЕПО.

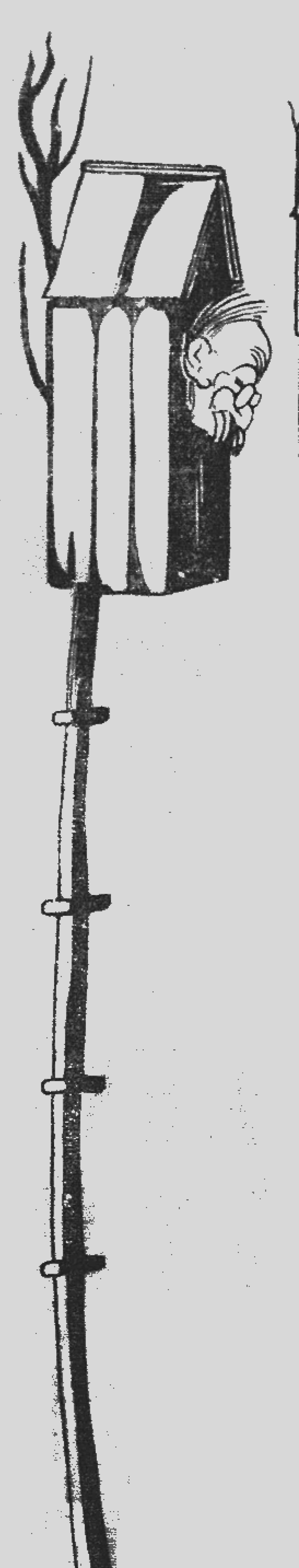
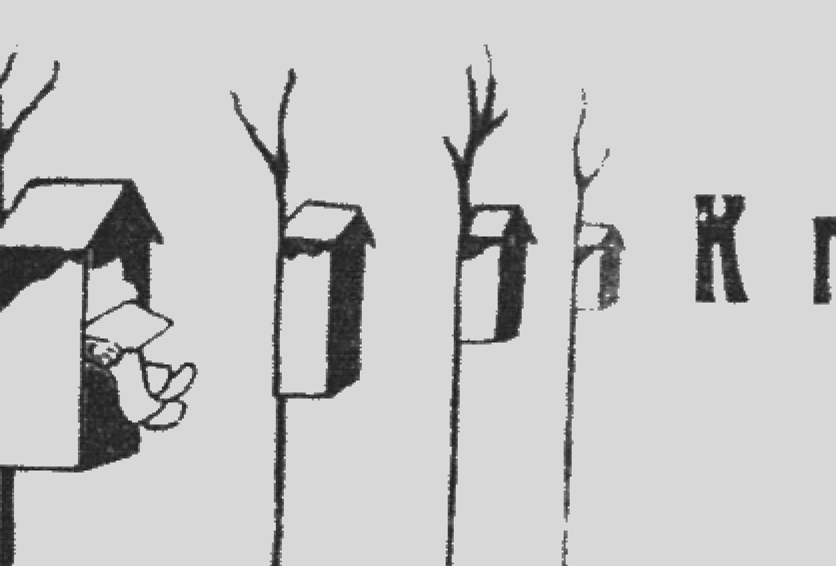
—Чудной человек, если поместят, то получится НЕПО, т. е. не потребительское общество.

—?!...

Из серии „Наши воротилы".

Тов. Темкин.

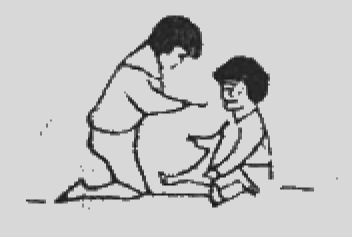
К переезду Сибопса в Новониколаевск.

— А все-таки, что ни говорите, Ефим Кузьмич, а сквознячек у вас там вверхах здоровый, должно полагать?

— Пустяки. Привык. А вот ваша квартирка с вобздухом. Сюда даже, извините, вдаряет, хе-хе...

— Ничего по принюхался.

Гримасы НЭПА.

„ДЕЛЕЦ".

Живв марксенок.

— Ну и чушь-же ты порол. Ни черта никто не понял.

— В этом-то весь и секрет: говоришь и не говоришь, мыслишь и не мыслишь. Понимаешь: теза и антитеза; тут, брат, целая теория: на противоречиях построим весь прогресс, все развтие человечества. Помните: противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Ты почитай о диалектическом способе мышления. Так-то, брат учись.

Нудность.

(Поэма конца 1921 года).

На службе кашляют старушками машинки,
На службе—шелесты ненужные бумажных дел,
Иль возгласы висят: Когда-ж ботинки!
Иль сапоги дадут?—Ведь получил „Белет"?

В бумажных кучах тают разговоров сплетни:
„В кафе была. Он был... В театре завтра „Красный Свет".
Пойти придется... Автор интересный. Бледный...—
Приветней многих здесь!—„Хи хи"... звучит в ответ.

Мужчины курят. Перья по бумаге водят,
А женщины скабрезный говор под шумок ведут...
Безусые юнцы нахмурены, как жеребцы в поводьях.
А девушки?—У них—как у старушек кумий гуд.

До четырех в „Лень-Коме"—время манят пальцем,
Как пса любимого: „Иди, скорей негодный пес!"—
Лишь кто-то невидимкой шепчет: „Сжалься!"
Лишь кто-то прячет соль [(пуд—5 миллионов)]—слез.
Домой придешь... заткнуть охота глотку

Хоть чем нибудь..! Ответ звучит: „Постой!"—
Ты ждешь: И вот хлебаешь суп с селедкой,
Иль борщ без мяса кислый и пустой.

И трудный кончив день, топчан собой облапишь,
Мечты далекие всегда туришь взашей,
При скудном пламени „мерзавчиковой" лампы
На сон грядущий злобно давишь вшей.

Костя **Арпоэписов.**

Гримасы НЭПА.

Сделка на „воздух" и „дым".

Из Сибири [illegible] Сейфуллина, у которой [illegible] будущее...

([illegible] Путь № 252).

„Правонарушитель“.

Хоша мы и правонарущители, а добро помним..
Полезай на пьедесталу... Пэпиросочку не угодна-ли.

ТИХИЙ УЖАС.

Ужасный день!

Весь погруженный в думы, стою над мертвой курицей, нашедшей смерть от камня в соседнем огороде.

Что жизнь? Что смерть? Где истина?

***

И уходя с печалью в сердце бреду с солдатами по улице и в такт шагов их по камням иду и слушаю

„Черный ворон, ворон черный,
Что ты вьешся надо мной“...

***

Весь серый, как земля, голодный жадно смотрит на груды хлеба за окном и нудным голосом все тянет, тянет.

„Дайте хлебца, крошку, только крошку“...

Ну! дай же поскорей! Нет? Ужасно!

***

Идут вдвоем. Весельем дышут рожи и на облыселых лбах и бриллиантах играет солнце. В портфелях деньги, в карманах деньги и кукиш в голове. Жуют слова:

„Да... Ловко я его, тово... Идем в кафэ пожрать“...

Чтоб лопнуть вам! Нет? А как же рожи? Куда девать?

В моих глазах печаль...

Мальчишка хилый сует мне в нос коробку скверных папирос.

— Купи, купи... Я тоже есть хочу и на твои засаленные сто тысяч куплю я хлеба.

— Не купишь!
— Да? О, тихий ужас.

***

И каждый день я слышу как в тумане:

„Я жрать хочу... подай мне бриллианты... Купи „Шапшал“... Эй! сторонись, купца везу“...

Купца? Вези хоть к чорту.

***

Редактор! Прими мой тихий ужас и не бросай в корзину, куда ты бросил жеванный окурок от „Шапшал“. Не примешь? Так и знал.... Ну, чорт с тобой.

В. Мацкевич

Головоломка

231—77 243.

В 1918 г. у нас было 231.000 Госуд. и Сов. служащих. Когда в октябре 1922 г. мы произвели подсчет, уверенные, что теперь наш аппарат сокращен, у нас оказалось 243.000 служащих.

(Из речи тов. ЛЕНИНА на 4 сессии ВЦИК'а).

СОКРАЩАЛИ

СОКРАТИЛИ.

ДИАЛОГ.

Вавила. Ты послушайка ка, Матрена.
Народился лютый зверь,
Што-то вроде Скорпиона
Ой, тошнехонько теперь!
Говорят, что он партейный,
Носит красные штаны,
Все законы постатейно
Знает лучше Сатаны.
Обмануть там али стырить
Уж таперь и не моги,
Мигом рожу расфуфырит,
Аль оставит без ноги...
А клешни его, што силы,
Хвост крючкастый, как багор
Все, Самойловы Вавилы,
Все пропали с этих пор.
Вот пошли каки напасти,
Говорят, што и Матрен
Потревожит страшной пастью
Этот Красный Скорпион!

Матрена: С нами крест, живая цер-
ковь!
Я не Сибский спекулянт.
Ни обвесков, ни обмерков...
Разве купишь бриллиант...
А зачем остались бары?
Вот кого он и хватей!"
Што-же смотрят комиссары?
Есть и мельница Алтай,
Есть завхсзы, иереи,
Есть и спецы и жилком.
Вот кого он пусть побреет,
А Матрену уж потом.

Вавила: Всем достанется, Матрена,
Берегитесь „господа"!
Всем от жала Скорпиона
Нам тошнехонько, беда!

Матрена : Ой, ты, батюшко Вавила!
Не пужай-ко ты Матрен!
Знашь таперя што всем мило:
Красный скользкай миллион.
Мы в клешню то и подсу-
нем,
Хвостик-жало подожмет.
Дунем-плюнем, плюнем-ду-
нем,
Не впервой — потом возь-
мет".

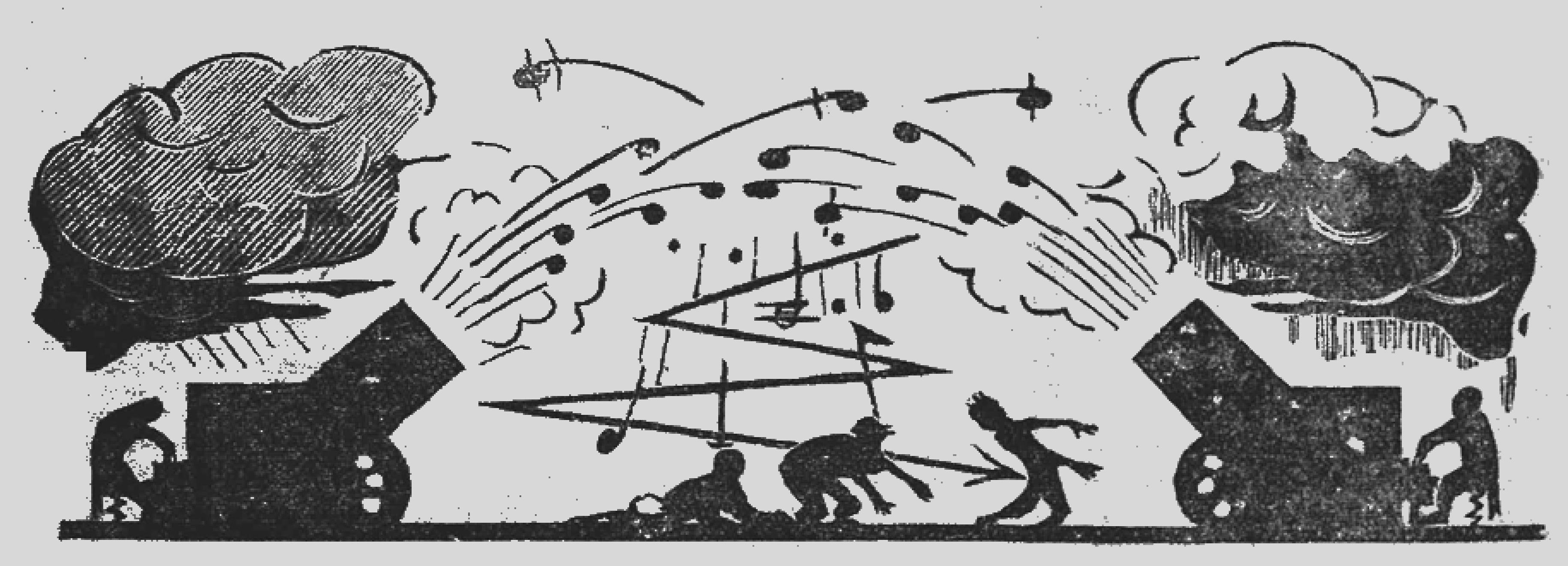
Вавила: — Ишь ты прыткая какая!
Што ты! Взятка? Ты в уме?
С нами Троица Святая,
Ведь сгниешь тогда в тюрь-
ме!
Не подкупен он, Матрена,
Не пытайся, не срамись,
Лучше жала Скорпиона
Пуще чорта берегись.

Подслушал:

Шпиль-кин.

КАК ПИШУТ НОТЫ...

Рис. Иванова.

„Портфели“.

Вместо.

Обыватель, вечный матерый обыватель ехидно кривил рот:

— „Бегают, спешат, суетятся, кричат—Пятая Годовщина, Пятая годовщина! Цацкаются с ней с Пятой годовщиной, праздник тоже нашли! А какой в ней толк, в Пятой годовщине?

Все по-старому: театры, рестораны, даже трамваи, даже дворники!

Вместо городового—милиционер, вместо министров—наркомы, вместо городской думы—совет, в школах вместо „Боже царя храни“ „Интернационал“ учат, вместо господина—говорят товарищ .. Только и всего...“

И никак не могли втолковать обывателю, что в этой маленькой частице «вместо» и есть вся революция. И никак не хотел обыватель принять еще одно „вместо“:

— Вместо обывателя стать сознательным гражданином.

Векум.

Человек в цилиндре.

Я человек не робкий. Это знают все, а больше всех я сам. В русско германскую войну я смело бежал от немцев и благодаря такой решимости продолжаю жить.

Сотрудничал в сатирических журналах, и остался невредим. Ибо я смел.

Но то, что я увидел на этих днях, заставило содрогнуться мое смелое сердце.

Я увидел на яву в самой обыденной обстановке на улице „господина“, повторяю „господина“, в совершенно новеньком цилиндре.

Он смело шел, помахивая тросточкой и с презрительной усмешкой оглядывая всех своими прищуренными глазами.

В правом глазу торчит монокль.

Вот и все.

Но это было так непостижимо и необычайно, что я крепко прижался к стене дома и, затаив дыхание, следил за господином.

Он спокойно подошел к мальчику-папироснику и сказал:

— Ма-а-чи-к!.. Пэ... э... апирос...

А дальше:

— Э!.. извощик!..

— Десять!..

Сел и поехал.

Я долго смотрел вслед цилиндру, пока он не скрылся на повороте.

Придя домой, принял бутылку брому, но успокоиться не мог.

В эту ночь мне мерещился человек в цилиндре.

В. М.

Из современных документов.

Лично к ним.

Президиум Анжерско-Судженского Райкома.

Парикмахера Анжерского и Судженского района Василия Халуянова Петра Халуянова, Афанасия Биденко Владимира Биденко и Порфирия Телякова.

В числе 5-ти человек

Заявление.

Во настоящее время текущей нам Советской власти физически работаем, получаем чуть ли ни наравне со служащими и рабочими копи, все то что есть. Но как гласят законные основания, что мы работаем своим собственным парикмахерским инструментом, его препаратом на котором мы дали согласия работать до полнаго отказа на шего выше сказанного инструмента и за который просим на законном основании удовлетворить нас от казны мануфактурой, каждому парикмахеру по двадцати (20) арш. из числа этого по восемь материальнаго на костюм.

Июля 13 го дня 1921 г.

Председатель **В. Халуянов.**
Секретарь **Биденко.**

Копия документа хранится в редакции. Заявление помещено с сохранением стиля и орфографических и грамматических ошибок.

Сибкишка.

(Басня).

> 16-го сего октября в 12 часов дня в помещении Алтайского Отделения Сибирской Районной конторы Центрокишпрода состоятся торги на передачу кишек . . .
> Замгубпродкомиссар **Ботов**
> Доверенный Алтайского Отделения Сибрайкишпрода **Видуц.**
> „Красный Алтай“.

Не то в конце или в начале года
Дождались мы и Рай и Сибкишпрода...
Свалился к нам он как малина в рот
Да здравствует „Сибрай“, да здравствует „Кишпрод“
Гремят Кишпрода славные доспехи...
Что ждет теперь Сибирь—успех иль неуспех?
И выдержит ли с Нэпом битву Сиб-Кишка?
На всякий случай надо бы изподтишка,
Чтобы Продкомам быть в кишку не битым,
Обзавестись за одно и Сибапендацитом.

Иван Стеклянный.

„Портфели“.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР.

Проэкт, неутвержденный за неразысканием соответствующего профсоюза.

§ 1.

Настоящий договор распространяется на всех, берущих, приемлющих и вымогающих взятки, как зарегистрированных, так и не зарегистрированных в Г. П. У.

§ 2.

Рабочий день вышеперечисленых специалистов не должен превышать 24 часов в сутки при условии непрерывной работы в две руки.

§ 3.

По разрядам 17 разрядной сетки вышеуказанные специалисты разбиваются согласно их квалификации, а именно: 17 разряд—вымогатели; 16—лихоимцы; 15—мздоимцы; 14—мздоприимцы; 13—не отказывающиеся от „благодарности“. Ниже 13-го разряда могут быть поставлены лишь берущие „на чай“, но на них действие настоящего договора в полном об'еме не распространяется.

§ 4.

Передние конечности лиц, на коих распространяется настоящий договор, служащие им орудиями производства, ни в коем случае не должны употребляться для других надобностей: например,—для пожатия таковых-же конечностей принадлежащих честным гражданам.

§ 5.

Основная ставка вознаграждения по заслугам, полагающегося упомянутым специалистам, определяется ревтрибуналами, но не может быть исчисляема в сроках менее одного года для 13-го и менее трех лет для высших разрядов.

§ 6.

Г. П. У. обязуется представлять всем лицам, на коих распространяется настоящий договор, приличествующие им помещения без взимания какой-либо платы за оные.

§ 7.

Все честные граждане приглашаются оказывать Г. П. У. содействие в деле прочного обеспечения за вышеуказенными лицами приуготованных им помещений.

§ 8.

Действие настоящего договора прерывается в отношении специалиста, вселившегося в предоставленное ему Г. П. У. помещение, но возобновляется немедленно по возвращении таковаго лица к работе по специальности.

§ 9.

Настоящий договор не может быть отвергнут или расторгнут гражданами, на коих распространяется его действие. По роду занятий своих берущие, что дают, они не могут не принять и настоящего договора.

Зампрофсоюз К. И. Н.

— Местов нет!
— Так я у вас, в служебном.
— Десять раз повторять вам что-ли!
— Хи хи, шутник: вы только пять раз сказали.
— Десять!
— Пять!
— Десять!!!
— Извольте-с.

Рассказ наивного человека.

Если бы Малинину с Бурениным сказать, что 7000 аршин мануфактуры, проданные по одному миллиону руб. дадут выручки семь миллиардов, они бы в один голос воскликнули: „что и требовалось доказать!“.

Но когда я, увидев отчет нашего бухгалтера, в котором показано, что выручка от продажи равна 287 миллионам, сказал ему „как же это так?“, он обиделся и донес по начальству.

Начальство вызвало меня в кабинет и пробурчало:

— Вы, дорогой товарищ, увольняетесь, ибо, не зная арифметики, суетесь в бухгалтерские книги...

— Я?! не знаю... — воскликнул я голосом человека, свалившегося с луны на скамью подсудимых...— повторите ваши слова!

— Вы увольняетесь!..

— П-Пожалуйста! —тоном величайшего одолжения протянул я и вышел из кабинета.

***

Я вот уж как 3 месяца снова изучаю арифметику, а результат один. Все выходит семь миллиардов.

7000×1000000=7.000.000.000

?!

— Милый мой!—сказал я себе—так дальше жить нельзя: пора взяться за ум и стать нахалом. На что это похоже: ты протестуешь против бухгалтерских ошибок и краснеешь, когда другие делают какую либо гадость. Ты отводишь глаза, когда думаешь, что другому должно быть стыдно глядеть тебе в глаза. И вечно ты в дураках, и вечно ты остаешься с носом, и вечно все проплывает мимо тебя... Жить же легче на свете нахалом—стань нахалом!

***

— Отныне я буду нахалом и на словах и на деле! Долой арифметику. Не нужно слишком беспокоиться. Ко всему привыкнешь, даже к лихорадке. Пестов.

Русские за-границей.

1-й—Я поеду в Россию тогда,-когда будут восстановлены три буквы—твердый знак, ять и... и десятиричное...

2-й—А я поеду только тогда, когда будут уничтожены Г. П. У.

Либретто „Русалка“ и „Паяцы“.

(впечатление человека с мещанской душой).

— Да вот возьмем таперьча к примеру туже самую оперу, что в Рабочем... Для которого понимающего бальшая музыкальность. Стоит тебе на тубаретке человек в пенснях и махат, и махат палкой: и на право, н на лево, и вперед тоже тыкает. Ну, а которые там со скрипками, альбо с дутками мелонхолическую чувствительность выводят на весь дух по нотам...

Словом полная струнная оркестра...

А которые актрисы полуженского—теж же опять словесно поют и о разных влюбленных чувствах выражаются. Актеры те больше басами, многие даже умом решаются: и полосуют ножами и ваших и наших.

— К примеру мельник этот самый... Была у его дочь единоутробная. Наталией звали. По причине влюбленности в одного проезжающего, добровольно, утопла под мельницей... В задней декарации... С горя... Из под воды выводила тонким голосом разные укоризненные слова.

Отец-жеейный затосковал...Помол остановил .. Мельницу, чуть не задарма, загнал спекулянтам, а сам вышел из ума... Сидел, все время, на дубу и каркал на подобие вороны .. Большую трагичность проявлял.. Чуть было не ухлопал проезжающего-то, когда тот около мельницы пел первым тенером жалостные фразы согласно утопления и грустных берегов... И ежели бы не солдаты удушил бы он его, без угрызения от совести... Потому не в своем уме.

— А Паяцы понашему как бы вроде из цирка... Которые Бим Бомов предсавляют... Кглоуны значит... Дело было заграницей, в иностранном климате... Трое их было: двое холостяки, а хозяйн набольший значит—тот в законном браке состоял... Супругу содержал в аккурате... Был до чрезвычайности ревнючим—по причине товарищей... Но она, Колонбиной ее звали, спознáлась с одним штатским из тамошних мещан. .Весьма его дюже полюбила и о чувствах пела высоким регистром. Ну, а эти, двое товарищи то его, что от нее домогались и ни шиша не получили, айда к хозяйну и на ухо ему:—„что вот де, баба твоя изменчивость выказывает!..“ Да ножик то ему и поддодонили... Ну тот, конечно, распалился... Надел белую рубаху белые штаны, колпак, тюфли на ноги... И ровно в 8 часов, без опоздания, пырнул ей значит в угаре страсти ножем в брюхо, а когда ейный любовник подбежал, как бы заступиться, он и его по грудям раза два саданул—тот и богу душу...

А товарищ-тот нож то подсунул: —„Расходись!“—кричит, „по домам которые с билетами, потому *представлние закончилось!*“.

Советую тебе кум сходить... Сходи кум, потому бальшая музыкальная марель пущена...

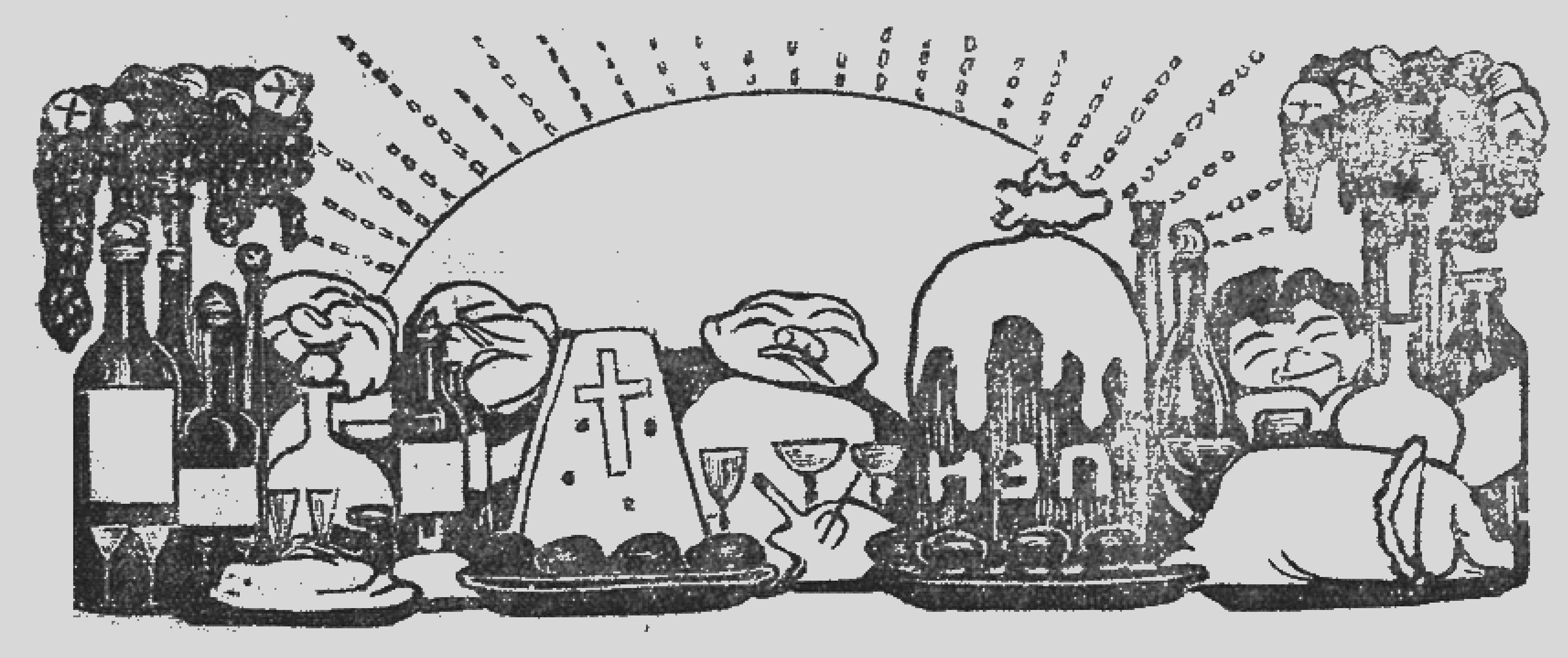
Не понимающие оркестрой недовольны:

— Неслышно, говорят,—о чем поют и разговор ведут...

— Ну это конешно от непонимания... Притупление музыкальности ухов, а также и от дикости ума.

BIR.

Гримасы НЭПА.

„Портфели“.

На улице.

— Послушайте, гражданин, не знаете ли где здесь Губстрах?..

— Губстрах?.. (улыбаясь) Гепеу что ли?

— Да нет, Губстрах...

— Ну уж, извините, страшнее я ничего не знаю.

Дема.

Невозвратное время.

Из отдаленного будущего.

В 1972 году на затерявшейся где-то в алтайской степи железнодорожной станции Мышеловка появился пассажир. В руках у него была багажная корзина.

— Кто здесь принимает?—спросил он, останавливаясь в дверях.

Из трех разных углов три старческих голоса пискнули:

— Мы!

Багаж?

— Ежели специально за багаж.—то он!

И перед пассажиром появился древний, древний багажный кассир.

— Хе-хе, молодой человек! давненько небывало отправочек, никак с двадцать второго!.. У вас корзиночка?

— Корзина.

Кассир подмигнул:

— Нет приему!..

— То-есть, как так?—не понял пассажир.

Старичек тоненько закатился.

— Хе, хе, небось испугались?

— Хе, хе, я пошутил-с, для вас все сделаем!

И как-то странно пошевелил пальцами.

— Ну вот и хорошо,—сказал пассажир, показывая на корзину:

— Два.

— Что вы!—всполошился старичек:—Как два? Да у нас и таксы давно такой нету! Десять.

— А я вам говорю два!

Багажный кассир догадался:

— А!. Вы на муку?

— Не на муку, а на поезд!..

— То-есть как?

— Так!

— Да вы о чем, собственно?

— О багаже, конечно, два пуда! А вы?

— А я,—сказал багажный кассир, опять сделал ручкой:—Я думал—ясно!

— Что ясно?

— Надо ж дать.

— Да зачем же ждать то?!

Старичек сделал ручкой в третий раз:

— Ну... детишкам там и вообще, как полагается.

— Детишкам?!

— Вот вот.

— Чьим?!

— Хе-хе-с, известно.

Вашим, быть может?

— Хе, хе-с.

— При чем же здесь дети?!!

Из трех разных углов три старческих голоса тоненько заскрипели и, удивляясь непонятливости молодого человека, разом брякнули.

— А на молочишко-то?

Пассажир пожимал плечами и ничего не понимал.

* * *

Пассажир стоял в управлении дороги рассказывая.

— Чорт его знает. Стоит передо мной и делает руками вот эдак! Я ему про билет, он про молочишко —и снова руками. Сумасшедший какой-то!

Управленские вокруг хохотали

— Руками?

— Руками

Шевелили пальцами,

Вот эдак?

Вот эдак

Честное слово, ненормальный!

— Это он от степной жизни,—пожалел кто то.

Там сойдешь!

— Как не сойти..

На хохот из дальнего кабинета выполз старый-престарый заслуженный спец. Потер ладонью лоб, и вспомнил:

— Нет, это совсем другое.

— Что другое?

— Да вот он то! Это он просил.

— Чего?...

Мастистый сделал ручкой совсем так, как делал забытый кассир:

— Да взятку.

— Какую?!

— Господи, да которую берут...

И старик взволнованно поник охваченный воспоминаниями. Канцелярская молодежь притихла, не решаясь нарушить мудрое раздумье старца.

... А вдали рыдала скрипка:

— Невозвратное время!

А.—рович.

Редактор **Мих. Буш.**

Редакция: Мих. Буш, М. М. Басов, З. Ю. Сандомирский.

Издатель **Кооперат. изд. „Рабочий“.**

(Р. Ц). № 869. Новониколаевск, Гостипография № 1, Напечат. 1000 экз.

ЧЕРНАЯ БИРЖА.

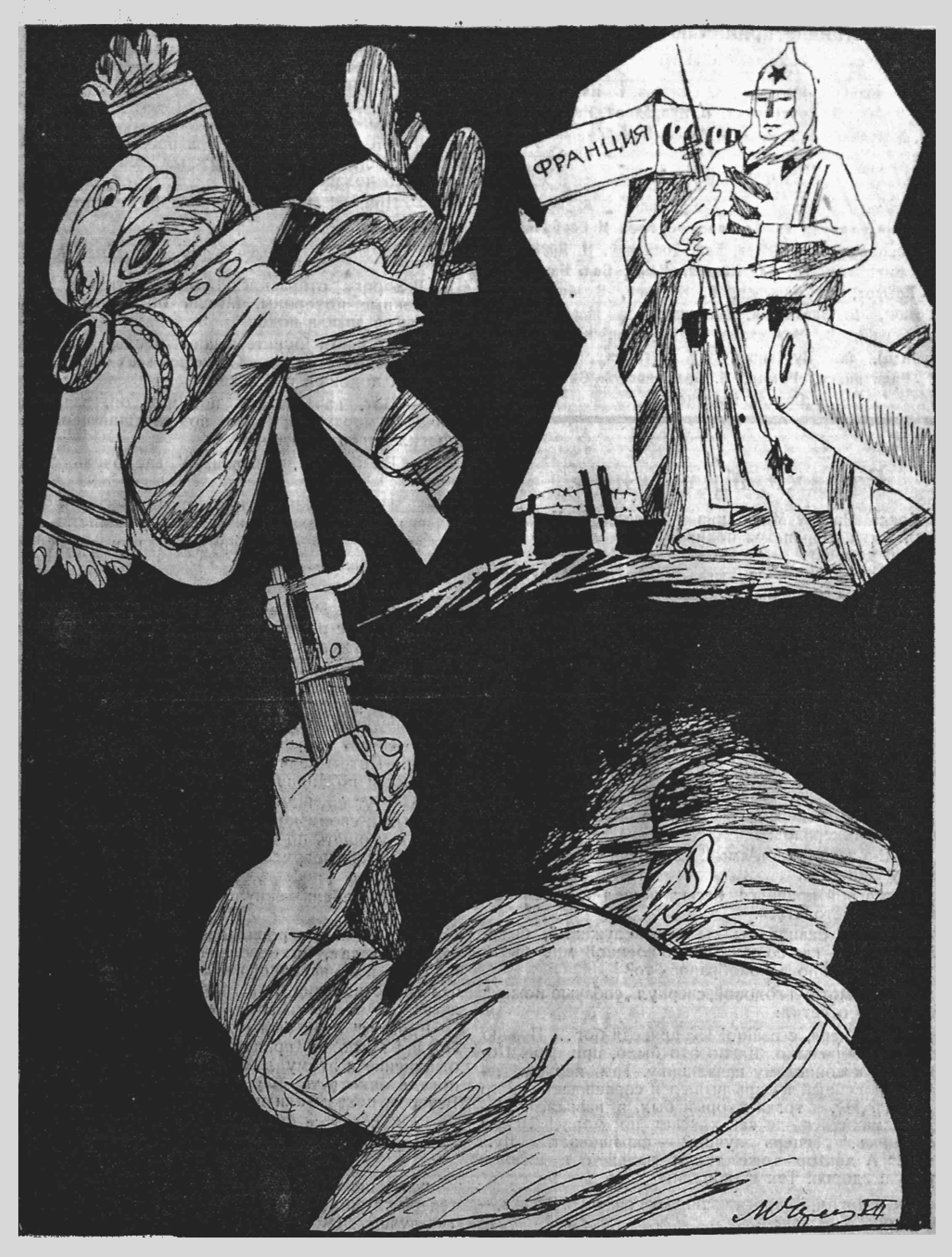
Рис. Иванова.

Регулируют торговлю.

ВОЙНА ОБ‘ЯВЛЕНА...

Рис. М. Черемных.

Издатель: газета „Красная Звезда“. Редактор: Редакционная Коллегия.

Главлит № 20155 (Москва). Тип. „Пролетарий у Руля“, Красная пл. 6. Ср. Т. Ряды, д. № 1. Тир. 20.000 экз.